

«Свежо предание»: новый роман И. Грековой

Только что опубликованный роман известной писательницы И. Грековой «Свежо предание» посвящен, как написано в аннотации, «судьбе еврейской семьи в годы сталинщины».

Окончен он был в 1962 году. Казалось бы, столь долгое время не видеть свою книгу напечатанной — большая неудача для автора. Тем более, что эти годы охватывают и последние десять с их открытием прежде закрытых тем, с неограниченной свободой литературного эксперимента. Но как замечательно убедиться в том, что неудача обернулась высшей удачей, что книга выдержала испытание временем!

Какое впечатление произвел бы роман, будь он напечатан в «Новом мире» за 1962 или 1963 год, в сейфе которого хранился все эти годы, гадать не приходится. История жизни и смерти ассимилированного еврея, изгнанного в период антисемитской кампании 50-х годов из научной лаборатории, рассказ о его исследованиях в области запрещенной кибернетики, а главное, какое-то безмятежное нарушение автором, человеком «чистых» арийских кровей, общепринятых (и не только официальных) табу сделали бы книгу событием, намного превосходящим ее литературное значение.

Роман «Свежо предание» вызвал бы шквал яростных и восторженных отзывов, возможно, не меньший, чем опубликованный в тот же год и в том же журнале «Один день из жизни Ивана Денисовича».

Однако если двадцать или тридцать лет назад обращение к «запретным» темам обеспечивало интерес читателя, то в наши дни рассказ о временах сталинщины не гарантирует успеха. Можно отдавать должное автору за гражданскую смелость, признавая его приоритет в обращении к той или иной тематике, но одного почтения недостаточно для того, чтобы чтение доставляло удовольствие, которое испытываешь, читая прозу И. Грековой. Открыв книгу, я не могла размышлять о возможной исчерпанности те-



И. Грекова
(Елена Сергеевна Венцель).

мы, обозначенной в аннотации, пока не дочитала до конца и не узнала, «чем кончится».

Время, давно снявшее табу с проблем, затронутых И. Грековой, оказалось милостивым к художественной стороне ее произведения.

«Свежо предание» — это «роман воспитания», в котором события истории остаются на периферии, хотя они часто (но не всегда) определяют жизненные коллизии, в которых оказывается главным героем, Константином Левин.

Носитель знаменитейшего в литературе имени, одновременно русского и еврейского, интересен для современного читателя не только тем, что он олицетворяет двойственность положения евреев, любящих без взаимности страну, в которой родились, а своей обычной и вместе с тем уникальной личностью.

Обычно и необычно его детство, рано оборвавшееся, поразительна необыкновенная любовь к матери, как если бы он знал внутренним знанием о ее ранней («старомодной», от родов) смерти. Человек, болезненно восприимчивый к чужой беде и чужому горю, он оказывается внутренне незащищенным, когда колесо истории подминает под себя его самого.

Как страдание, унижение, безна-

дежность трансформируют личность, каковы ее внутренние ресурсы? Почему мы так мало способны понимать и разделять страдания даже самых близких людей? Почему «сильное чувство, большая страсть» поражает отнюдь не идеальных, романтических любовников, а часто немолодых, непривлекательных людей, и они из-за нее умирают?..

Вопросы, которые ставит И. Грекова, и позволили ее роману не устареть. В романе привлекает легкий и быстрый тон повествования, отсутствие обличительного пафоса, особенно поражающее читателя, который не утратил исторической перспективы и осознает, на какие опасные для 60-х годов темы посягнул автор.

Как бы играючи, только намеком, обозначает И. Грекова направление интересов российской публицистики на последующие десятилетия. Она дает свое объяснение активному участию евреев в революции. Обращается к теме психических заболеваний и к состоянию психиатрической помощи. В начале 50-х годов психиатрические больницы еще не стали одной из форм политического террора, но будущие психиатры-палачи уже опробовали методы и подход к пациентам («психушек»).

И. Грекова писала так, как будто तोпила сказать все, на чем все десятилетия советского режима лежало свинцовое молчание, и вместе с тем искренне надеялась, что скоро обскурантизм, невежество, тупая жестокость перестанут казаться нормой жизни. Что средневековые предрассудки будут забыты, и о недавнем прошлом можно будет сказать словами Чацкого: «Свежо предание, а верится с трудом». Эта надежда придает ее повествованию легкость, которая властно увлекает читателя.

Недостатки, рожденные желанием сказать сразу все, не в силах заглушить подлинности и ясности авторского голоса, который с радостью узнает и старый читатель И. Грековой, и тот, кто услышит его впервые.

Н. ПЕРВУХИНА

Кьюксвилл, США